

Так как было время тренировок, в общежитии на самом деле оставалось не так много альф. Они не смели подходить слишком близко к Цюэ Цю, только прятались вдалеке и украдкой смотрели. Они очень боялись, что случайный взгляд потревожит пугливого омегу.

Увидев, что Цюэ Цю вернулся, ни один альфа не подумал, что это из-за того, что он собирается заселиться в общежитие для альф. Все считали, что ему, возможно, нужно что-то купить, и некоторые альфы даже хотели вызваться быть бесплатными грузчиками.

Однако те альфы, у которых возникли такие мысли, ещё не успели их воплотить, и только случайно проговорились, как были безжалостно высмеяны товарищами.

— Ты посмотри, какой ты грубый и неуклюжий! Если бросишься вперед, боюсь, не успеешь и рот открыть, как спугнёшь омегу.

— Его всегда сопровождает преподаватель, где уж ему может понадобиться твоя помощь?

— Нам достаточно просто издали посмотреть, ведь все омеги очень пугливые.

Тот высмеянный товарищами альфа-шимпанзе смущённо почесал свои растрёпанные волосы и ещё глубже спрятал своё массивное тело, словно и вправду боясь напугать омегу.

Поэтому, когда Ханс повёл Цюэ Цю к одному из общежитий для альф, все присутствующие альфы остолбенели, а управляющие студентами того общежития переглянулись друг с другом.

Они смущённо переглядывались, пока, наконец, через некоторое время не подошёл рыжеволосый альфа-лис.

— Э-э, простите... чем могу помочь? — осторожно спросил он.

Ханс всем своим видом выражал «не подходи ко мне», в его тоне читалась глубокая досада:

— Ты ответственный за это общежитие? Подбери комнату для омеги позади меня, он будет жить не в общежитии для омег, а поселится здесь.

Альфа-лис тут же застыл. Его огненно-красные уши застыли в воздухе, а в карих звериных глазах читалось недоверие.

Окружающие его альфы имели такие же выражения. Все глупо застыли на месте, долго не реагируя.

Ханс нетерпеливо поторопил:

— Чего застыли? Быстрее делайте!

Он не мог не пожаловаться про себя: «Чёрт, почему этим альфам так повезло иметь столь близкий контакт с омегой? Аж до злости завидно».

Под давлением Ханса альфа-лис немного пришёл в себя. Но, не сумев сдержать огромную радость в сердце, он взволнованно переспросил:

— Правда?! Как такое может быть?!

Он тихо пробормотал:

— Как омега может заселиться в общежитие для альф?..

Они даже не хотели быть слишком близко к альфам.

— Я что, сплю? Или мне послышалось?

Ханс, видя его возбуждение, стал ещё более раздражённым, недовольно закатил глаза и повторил:

— Тебе не послышалось. Этот омега будет жить в общежитии для альф, подбери ему комнату.

Даже получив точный ответ не один раз, альфа-лис всё ещё не решался поверить:

— Директор Гэб и другие знают?

Ханс цокнул:

— Если бы не приказ директора Гэба, ты думаешь, я бы посмел привести омегу в общежитие для альф?

Хотя эти слова звучали как бессмыслица, они действительно убедили альфу-лиса.

Теперь он был вынужден поверить, что это общежитие для альф, куда никогда не ступала нога омеги, скоро примет такого красивого и хрупкого маленького омегу!

Богиня Жизни! Это просто божественный дар!!! Неповторимое чудо!!!

После трёхкратного подтверждения альфа-лис от волнения чуть не потерял свой хвост — так сильно он вилял. Невероятно услужливо следуя за Хансом и Цюэ Цю, он изо всех сил подавлял внутренний восторг, стараясь выглядеть более сдержанным.

— П-привет, м-меня зовут Орф, я альфа-лис. — Кроме как во время помощи в медпункте, Орф никогда так близко не разговаривал с омегой. В этот момент не только его лицо покраснело, но и речь стала немного запинаящейся.

На самом деле, даже в медпункте омеги обычно не тратили силы на разговоры с альфами. Они просто хотели быстрее закончить эту утомительную и скучную задачу.

Поэтому Орф не ожидал, что действительно получит ответ от этого прекрасного молодого человека.

Этот чрезмерно милый маленький омега кивнул ему и мягким, как зефир, голосом сказал:

— Привет, я Цюэ Цю.

Даже такой короткое представление взволновало Орфа.

Он своими огромными красными ушами прикрыл покрасневшее от стыда лицо, и каждый его выдох казался горячим. Орф чувствовал, как бешено колотится его сердце. Казалось, в следующую секунду оно вот-вот выпрыгнет из груди.

Ах, омега ответил...

Это... самое счастливое событие в его жизни!

Одновременно с счастьем, Орф рефлекторно закрыл заднюю часть шеи, ожидая следующей секунды, когда острый шприц вонзится в самое уязвимое место его тела, а затем введёт в железы болезненно холодную жидкость, блокирующую приятные феромоны от омеги.

Он закрыл глаза, терпеливо подождав несколько секунд.

Слишком много раз его подавлял сдерживающий ошейник, так что Орф уже имел опыт, когда будет вводиться блокиратор.

Но ожидаемая сильная боль не наступила. Вместо этого, когда он в недоумении открыл глаза, он увидел омегу с беспокойным взглядом, который посмотрел на него и мягко спросил:

— Что с тобой? Всё в порядке?

Орф застыл, его пушистый огненно-рыжий хвост перестал вилять. Он смотрел на прекрасного омегу перед собой в оцепенении.

Хотя выражение лица омеги было несколько холодным, Орф всё же почувствовал неподдельную заботу от него.

Цюэ Цю, видя, что тот не отвечает, подумал, что стимуляция сдерживающим ошейником причинила ему слишком много боли, и он отвлёкся, не расслышав его слова, поэтому указал на шею альфы и терпеливо повторил:

— У тебя болит задняя часть шеи?

Орф инстинктивно ответил:

— Н-не болит...

Произнеся это, он запоздало обнаружил, что действительно не чувствует боли от инъекции блокиратора, как раньше, и тем более не испытывает тошноты и головокружения после принудительного прерывания.

Теперь Орф был окончательно сбит с толку.

Что происходит? Неужели сдерживающий ошейник вышел из строя?

— Странно... — пробормотал Орф.

Цюэ Цю был немного озадачен:

— Что такое?

Орф честно ответил:

— Обычно, если я подхожу слишком близко к омеге, и обнаруживается, что концентрация феромонов резко возросла за короткое время, сдерживающий ошейник немедленно активируется, вводя блокиратор для подавления производства феромонов. Но только что я контактировал с тобой так долго, а ошейник не сработал. Раньше никогда такого не было.

Не только Цюэ Цю остановился, но и Ханс прекратил шаг. Он, нахмурившись, сказал:

— Неужели ошейник сломался? Тогда тебе нужно побыстрее подать заявку на новый, злонамеренная задержка или сокрытие информации нарушают имперский закон.

— Но я не чувствую, что ошейник сломался. — Орф был немного озадачен.

Цюэ Цю подумал и откровенно сказал:

— Возможно, проблема не в ошейнике, а во мне.

Ханс и Орф одновременно посмотрели на него, не понимая, как дело с ошейником могло быть связано с омегой.

Цюэ Цю сказал:

— Я бракованный омега, не имею растительных генов или целительских способностей. Самое главное — мои феромоны не могут быть восприняты альфами, поэтому сдерживающий ошейник и не сработал.

Орф не ожидал, что омега перед ним окажется бракованным, и помимо изумления, больше чувствовал жалость.

Потому что обычные омеги, даже не будучи целителями, по крайней мере могли выделять феромоны и чувствовать феромоны альф, подобно китам на Земле, которые через уникальные частоты друг друга могли чувствовать присутствие другого, не испытывая бесконечного одиночества в бездонной глубине.

А Цюэ Цю оказался даже хуже обычных омег. Он не мог выделять и воспринимать феромоны, а значит, в его мире, сколько бы раз он ни отправлял свою частоту вовне, никогда никто не сможет её почувствовать и тем более ответить. Он был полностью исключён из сообщества, не чувствуя ни капли радости от пересечения феромонов альф и омег.

Разве это не казалось слишком одиноким?

Орф не мог представить, какое одиночество приходилось переносить Цюэ Цю, так же как Цюэ Цю не мог представить, какую боль приходилось выносить альфам, которым нужно было носить сдерживающие ошейники.

Он с грустью опустил голову, его огненно-рыжие уши и хвост вместе повисли:

— Прости, я не знал...

Даже Маомао, спрятанный в кармане одежды Цюэ Цю, отчётливо услышав их диалог, тоже приуныл. Усевшись, он прислонился к ткани, два усика на его голове покачивались.

— Момо...

«Неужели мама не чувствует мои феромоны?..»

Цюэ Цю не заметил маленьких движений Маомао и покачал головой в ответ на извинения Орфа:

— Ничего, так даже лучше. В будущем моим товарищам не придётся во время тренировок из-за близости с омегой подвергаться ограничениям ошейника.

Он изначально не был настоящим омегой, поэтому и не считал, что раскрытие фактов — это обнажение своих ран.

Орф намеренно сменил тему, мимоходом спросив:

— Товарищи? Тренировки?

Ещё до того, как Цюэ Цю сам ответил, Ханс сказал:

— Он выбрал боевое направление, поэтому директор Гэб и решил перевести его в общежитие для альф.

— Боевое направление?! — Орф снова был потрясён.

Он с недоверием смотрел на Цюэ Цю, тщательно осматривая его с головы до ног, и до конца всё равно не мог поверить, что этот чрезмерно изящный и миниатюрный омега выбрал боевое направление, которое даже многим альфам было не по силам!

— Ты мне ростом доходишь только до плеча! — Альфа-лис среди перекормленных альф уже считался низким. Он был немногим выше обычных омег, а сейчас оказался выше Цюэ Цю на целую голову!

Из-за этого он просто не поверить, что такой омега выбрал боевое направление!

Ханс развёл руками и взглянул на Цюэ Цю, словно говоря: «Я же говорил, кто бы ни услышал твой выбор, все сходят с ума».

Цюэ Цю с некоторой досадой произнёс:

— Факторы вроде роста и физической силы не могут повлиять на мой выбор. Никто не устанавливал, что омега не может выбирать боевой факультет.

Во время разговора трое незаметно дошли до места назначения.

Орф убрал своё удивление, подошёл к экрану размером с ладонь на двери, настроил его, затем повернулся к Цюэ Цю и сказал:

— Это первое общежитие для курсантов боевого факультета новейшего набора, каждая комната рассчитана на четырёх человек. Остальные три соседа, наверное, смогут заселиться только завтра. Для начала ты можешь внести данные в систему распознавания, а потом зайти и выбрать себе кровать. Матрасы, постельное бельё и другие необходимые вещи в комнате уже есть. Насчёт личных предметов повседневного обихода, которые тебе понадобятся позже, просто скажи мне, и я смогу помочь тебе их приобрести.

Орф очень чётко всё объяснил, и Цюэ Цю кивнул:

— Спасибо.

Орф, только что ставший серьёзным, снова был сбит с толку этим «спасибо» от маленького омеги. Его пушистые большие уши застенчиво прикрыли глаза, и он немного заикаясь сказал:

— Н-не за что, служить омеге — это моя честь.

Ханс не мог смотреть, как Орф заигрывает с наивным и неопытным маленьким омегой, схватил его за ухо и потянул назад:

— Ладно, ладно, не мешай ему отдыхать. Разве тебе не надо идти на занятия после обеда?! Давай быстрее, пойдем!

Ханс насильно утащил Орфа.

Цюэ Цю, проводив их взглядом, развернулся и вошёл в комнату.

Хотя она и была рассчитана на четырёх человек, но, в отличие от традиционных общежитий, комната в военной академии Тёмной планеты оказалась довольно большой. Больше всего Цюэ Цю удивило то, что эта комната, формально общая на четверых, по сути представляла собой отдельные маленькие апартаменты для каждого. Это больше напоминало четырёхкомнатную квартиру, чем комнату общежития.

Увидев скромный внешний вид общежития для альф, Цюэ Цю подумал, что условия их проживания в этой академии могли быть не очень хорошими, но не ожидал, что они на самом деле окажутся довольно неплохими.

Увидев это, Цюэ Цю также понял, почему Гэб, несмотря на чёткое разделение альф и омег в

Империи, осмелился поселить его, омегу, в общежитие для альф — такая планировка комнаты практически не отличалась от отдельных апартаментов.

Он внимательно выбрал комнату и в итоге остановился на самой дальней, с большим балконом.

После заселения Цюэ Цю обнаружил, что Орф не солгал: все необходимые для повседневной жизни вещи академия уже подготовила, можно было заселяться без багажа.

Даже униформа для разных сезонов была аккуратно сложена в шкафу.

Только вот...

Цюэ Цю попробовал взять комплект для осени и, развернув, обнаружил, что размер униформы для него оказался просто неподъёмным.

Он вспомнил тех альф, которых встречал по пути: возможно, из-за смешения с животными генами, все они были рослыми и крупными. Даже относительно невысокий Орф был на целую голову ниже рядом с ними, да и телосложение их сильно отличалось.

Цюэ Цю взглянул на свои тонкие белые лодыжки, выглядывающие наружу, словно они могли сломаться от лёгкого прикосновения. Неудивительно, что Янь Вэйли так яростно возражал против его выбора боевого направления.

Он сложил униформу и положил обратно, планируя потом попросить Орфа заменить на самый маленький размер.

В этот момент Маомао в кармане вдруг ухватился за одежду и высунул из кармана серебристую маленькую головку. Два усика покачивались в такт его движениям.

— Момо!

«Мама!»

Цюэ Цю наклонился, ткнув указательным пальцем в маленькую головку Маомао:

— Хочешь выйти?

— Момо!

«Да!»

Получив утвердительный ответ, Цюэ Цю поднёс правую руку к карману, позволил Маомао самому медленно заползти на мягкую ладонь, а затем осторожно перенёс его на кровать.

В этом коротком процессе он вспомнил недавние события в кабинете тестирования.

Казалось, директор Гэб не очень ему доверял, поэтому и предложил посмотреть на способности уровня S. Но в то время Цюэ Цю тоже только-только узнал, что у него есть так называемые боевые гены, и не мог дать разумного объяснения его сомнениям.

К счастью, Маомао в критический момент рассказал ему о происхождении боевых генов и магической механики, что позволило ему с трудом пройти проверку в той ситуации и не вызвать слишком много подозрений.

Ранее проверка генетического уровня на корабле «Алибиз» не выявила проблем, и более поздняя проверка генетического уровня в комнате обследования военной академии Тёмной планеты тоже. Проблема возникла в яичной скорлупе Маомао, которую Цюэ Цю съел после того, как покинул «Алибиз».

В яичной скорлупе содержались не только обильная духовная энергия, но и боевые гены, принадлежащие альфе. Поглотив духовную энергию, Цюэ Цю также впитал эти боевые гены, одновременно синтезировав способность уровня S — магическую механику.

Цюэ Цю ранее не знал об этом и, соответственно, не был настороже, поэтому без какого-либо вмешательства боевые гены, смешанные в его теле, были обнаружены генетическим сканером Тёмной планеты.

Но строго говоря, эти гены на самом деле принадлежали не ему, а Маомао.

В тот момент из-за срочности ситуации Цюэ Цю боялся, что Маомао обнаружат, и не посмел много спрашивать. Только теперь, в абсолютной безопасности, он наконец смог как следует пообщаться с ним.

— Я съел половину твоей скорлупы. Не отнял ли я этим то, что должно было принадлежать тебе?

Маомао покачал головой, его мягкие усики покачивались вслед:

— Момо~

«Чтобы быстрее вырасти, действительно нужно как можно больше питательных веществ. Но мама уже дала мне достаточно энергии, когда я вылупился. Поэтому даже то, что очень важно для меня, — я всё отдам маме».

В своей ограниченной памяти Маомао, казалось, был вынужден попасть на Тёмную планету. Тогда как раз наступил ключевой момент перед вылуплением, требовалось много питания и энергии. Но в пустыне Тёмной звезды, кроме ураганных ветров и скудного жёлтого песка, ничего не было. Очевидно, это не могло дать Маомао то, что он хотел. В момент, когда его жизнь находилась на грани истощения, появление Цюэ Цю дало ему ту энергию, словно саму основу жизни, что позволило ему возродиться в такой безвыходной ситуации.

Для Маомао Цюэ Цю стал тем, кто дал ему жизнь, и единственным человеком, которого он должен защищать в этой жизни.

— Значит, половина скорлупы, которую я съел, всё же повлияла на твой рост... — тихо сказал Цюэ Цю.

Просто скорлупа предназначалась для питания, и после того, как он съел половину, он сразу же получил мощные магические способности уровня S. Цюэ Цю не мог представить, насколько талантливым альфой должен был быть Маомао изначально.

Маомао остро почувствовал, что настроение мамы, похоже, немного упало, и потому, приложив усилия, пополз к нему, потираясь усиками о ладонь Цюэ Цю.

— Момо.

«Без той половины скорлупы я всё равно превращусь в красивую бабочку. Но без мамы бабочка уже давно бы умерла в скорлупе».

Так что Цюэ Цю не стоило чувствовать себя виноватым. Если можно было, он был готов отдать ему свою жизнь.

Чувствуя утешение малыша, настроение Цюэ Цю тоже постепенно улучшилось. Он осторожно положил Маомао на ладонь, поднёс к глазам и встретился взглядом с серыми глазками-бусинками.

— Сколько ты помнишь?

Например, происхождение, родители и тому подобное.

Цюэ Цю находился в этом мире уже не мало, и, судя по результатам его обычных наблюдений, чем выше генетический уровень у альфы или омеги, тем больше вероятность, что они из благородной семьи.

Скорее всего, Маомао был высокоуровневым боевым альфой, поэтому с большой вероятностью он происходил из аристократической семьи.

Услышав слова Цюэ Цю, Маомао сам изо всех сил пытался вспомнить, в мозгу перебирая воспоминания о прошлом. Во время этого процесса его серые глазки-бусинки неконтролируемо становились всё шире, что делало его забавным.

— Момо...

«Я не могу вспомнить...»

Что касалось прошлых воспоминаний, они, казалось, были совершенно размыты. В мозгу словно нагромодились бесчисленные прозрачные ящики, спрятавшись за мутным матовым стеклом. Их никак нельзя было разглядеть. Только когда что-то провоцировало или какая-то сцена стимулировала его, вспоминались отдельные фрагменты.

Единственное, что он точно знал, это то, что до встречи с Цюэ Цю его жизнь определённо была подавленной, болезненной, скучной и однообразной.

Он, вероятно, никогда не чувствовал, что такое счастье, и мир казался безмолвным, увядающим серым.

А после встречи с Цюэ Цю этот изначально чёрно-белый мир вдруг, словно за одну ночь с приходом весеннего ветра, стал невероятно живым, ярким и красочным.

Одинокое летавшая бабочка, встретив свою розу, наконец почувствовала, что такое настоящее тепло и счастье.

Маомао с зависимостью потерялся о запястье Цюэ Цю, послушно лёг на его ладонь, время от времени помахивая хвостиком.

Цюэ Цю чувствовал прохладную температуру и щекотливое прикосновение на ладони, и какой-то уголок в его сердце тоже, казалось, был затронут такой полной зависимостью. Он нежно погладил усики малыша, думая, что если тот не может вспомнить, то и не надо. Каким бы большим ни было происхождение Маомао, по крайней мере, сейчас он мог полагаться только на него одного.

Он обещал ему, что что бы ни случилось, не оставит его.

И более того, Маомао так безоговорочно отдал ему всё, что мог. Цюэ Цю тоже не хотел относить его к одной категории с другими или что-то скрывать от него. Подумав, он всё же решил честно рассказать.

— Помнишь розы, о которых я рассказывал тебе и Додду? — спросил Цюэ Цю.

Маомао резко поднял голову, его глазки-бусинки сосредоточенно смотрели на него.

Он, казалось, что-то осознал.

Цюэ Цю редко улыбался, но сейчас он слегка приподнял уголки губ. В этот тот миг расцветшая красота превзошла самый прекрасный пейзаж, который Маомао видел за всю жизнь.

Такая ошеломляющая красота не уступала цветению ночной красавицы\* при ярком лунном свете.

П.п.: Ночная красавица или царица ночи — растение, известное тем, что его огромные, ароматные и невероятно красивые белые цветы распускаются только ночью и увядают уже к утру.

Затем Маомао удивлённо округлил свои глазки-бусинки.

Невероятно красивый омега поднял левую руку, ладонью вверх. Чистое золотое сияние выплывало из окружающего пространства, переливаясь и соединяясь в сверкающую реку из звёзд.

Там, где протекала золотая река звёзд, на белоснежных, как снег, кончиках пальцев омеги медленно выросли нежно-зелёные листовые почки. Они потянулись и быстро проросли вверх, окутанные светло-зелёным светом, словно светлячки.

Маомао, казалось, даже слышал звук растущей жизни, как маленькое, олицетворяющее надежду семя пробивается сквозь землю и прорастает.

Золотистые звёздочки и тёмно-зелёные огоньки переплетались. В потоке света вокруг Цюэ Цю уже выросли свежие и сочные листья и ветви, спокойно заполнившие всю комнату. Даже без ветра они слегка расправлялись и покачивались.

Очищенный от радиации солнечный свет радостно проникал сквозь белую занавеску, словно осторожно наклоняясь, чтобы поцеловать пышную зелень внутри.

На мгновение золото и зелень наполнили зал. Ветви были густыми, а листья — пышными.

Цюэ Цю находился среди них. Вокруг его глаз рассеивалось золотое свечение, подобное узорам облаков, а в центре зрачков виднелась форма розы.

Солнечный свет, казалось, не смел переступать границы, лишь робко ложился на его глубокие ключицы. А выше, бледно-розовые губы, словно вишнёвые цветы, поражали своим чрезмерно великолепным и ослепительным видом.

Цюэ Цю слегка опустил ресницы, которые отбрасывали тень на белоснежное лицо, выражающее оттенок божественного сострадания.

Это была сцена, которую Маомао никогда раньше не видел.

Даже в огромных наследственных воспоминаниях он не встречал подобного: будь то такая пышная зелень, полная бурлящей жизненной силы, листья и ветви, или этот молодой человек перед ним, которого нельзя было описать просто как красивого.

Маомао почти застыл в оцепенении, пока знакомый, как родник, голос не вернул его разум.

— Я не омега с растительными генами, как ты мог подумать. Как видишь, мой истинный облик — растение.

В сознании Маомао неконтролируемо всплыла сцена цветущих полей, которую Цюэ Цю описал ему и тому глупому бете в жарком каменном доме.

Он говорил о канареечной розе. Во время цветения её молочно-золотистые цветы, словно повешенное на ветвях солнце, приносили в мир самое великое пылкое чувство и романтику.

— Момо?..

Маомао осторожно спросил: «Это канарейка?»

Цюэ Цю мягко кивнул.

Он погладил склонившуюся ветвь с пышной листвой и спокойно сказал:

— Но сейчас я ещё не сформировал бутоны, поэтому ты видишь только листья.

Но, даже если это были всего лишь листья, Маомао никогда не видел, чтобы растение могло расти так пышно. Они имели столь насыщенный зелёный цвет, что даже самый талантливый художник не смог бы смешать его.

В его смутных воспоминаниях больше всего было холодного белого цвета, который, должно быть, представлял собой ледники. Или засушливого жёлтого бесплодной пустыни, где не выживали даже самые стойкие растения. Или пустого чёрного, который дарил пугающую тишину смерти.

А ещё... кроваво-красного. Кроваво-красного, символизирующий трупы, голод, безумие, войну и грабёж.

Даже если и находились скудные воспоминания о зелёном цвете и жизни, казалось, они были безжизненными.

Те растения в его памяти совсем не выглядели такими живыми, как канарейка перед глазами. Они напоминали диких зверей, приручённых людьми, которые, после потери свободы, лишь апатично лежали в клетках для обозрения.

Маомао с удивлением обнаружил, что хотя вокруг Цюэ Цю всегда была аура, приносящая душевное облегчение, после призыва его истинного облика эта аура стала ещё более заметной. Настолько густой, что почти стала осязаемой.

На каждом, на каждом листе, будь то светлом или тёмном, лежал слой влажного тёмно-зелёного сияния. Стоило только взглянуть, как бы ни был напряжён разум, казалось, он мог сразу расслабиться.

Глазки-бусинки Маомао в этот момент открылись до предела. Он не мог поверить, но почти утонул в расслабления разума, словно ступая по облакам.

После успокоения в нём тихонько поднялось другое желание.

Маомао замер, словно не решаясь признать.

Это желание... напоминало... аппетит.

— Момо...

«Так хочется съесть...»

Наполненные огромной энергией листья имели для Маомао естественную, смертельную притягательность.

Эта фраза, словно прозрение, напомнила Цюэ Цю, что облик Маомао был слишком милым, совсем не похожим на обычных гусениц, так что он почти забыл, какова его истинная суть.

Цюэ Цю почти инстинктивно хотел использовать ветви, чтобы оттолкнуть его, как он делал это с обычными гусеницами на Земле, желавшими сгрызть его листья.

«Держись... это Маомао...»

Заставив себя успокоиться и посмотрев на малыша, который уже почти ронял слюни от желания, но всё равно покорно лежал на его ладони, Цюэ Цю почувствовал, как его сердце

незаметно смягчилось.

Поведение Маомао напомнило ему ту ночь, когда он сосал палец, желая духовной энергии. Немного подумав, он всё же, преодолевая душевную боль, сорвал пять-шесть нежно-зелёных листьев и положил на стол, а затем спрятал свой истинный облик.

После рассеивания звёздочек света комната общежития снова стала прежней, словно ничего из происшедшего и не было.

Цюэ Цю опустил Маомао, тронув его маленький усик:

— Ешь, это взаимный обмен.

Маомао пребывал в растерянности и, казалось, ещё не понял, что произошло. Его глазки-бусинки ошеломлённо осмотрелись, и только тогда он обнаружил перед собой листья, переполненные энергией.

Маомао попробовал взять лист в рот — свежий аромат почти сразу же ворвался в нос, полностью разбудив аппетит. Помимо врождённого инстинкта питания, было ещё и инстинктивное желание энергии, содержащейся в листьях.

Но вопреки ожиданиям Цюэ Цю, Маомао, взяв лист, не стал есть его сразу, а, пыхтя, подполз к его руке и мягко положил лист на ладонь.

Маомао потёрся о кончики его пальцев и с жалостью сказал:

— Момо...

Он думал, что эти листья упали с Цюэ Цю, и спросил, не больно ли ему.

Цюэ Цю на мгновение замер, в глубине его души поднялся тёплый поток.

— Мне не больно. — Он слегка приподнял уголки губ. — У меня миллиарды листьев, это всего лишь один лист из множества.

Это не было ложью, чтобы успокоить Маомао. Цюэ Цю практиковался несколько тысяч лет. Хотя обычно он выглядел как просто немного большая золотистая канарейка, но когда его истинная форма полностью высвобождалась, он мог занять целую гору. Эти несколько листьев для него действительно ничего не значили.

Если говорить о потерях, то духовная сила, прикреплённая к листьям, действительно являлась

расходом, ведь в этом мире пополнять духовную энергию было нелегко.

После неоднократных заверений омеги Маомао наконец успокоился и смело принялся за листья, полные энергии. Пока он ел, он постоянно покачивал усиками от счастья.

Он поклялся, что никогда не ел ничего вкуснее!

Не только из-за сладковатого и сочного вкуса, а из-за энергии, прикреплённой к ним, которой не мог сопротивляться ни один альфа. Помимо пополнения ежедневно расходуемой духовной силы, она даже могла очищать от накопившихся примесей в каналах, достигая эффекта ментального очищения от омеги-целителя уровня В.

Даже психические успокоители, считавшиеся в памяти лучшим лекарством для облегчения генетической болезни, не были так эффективны, как половина листа Цюэ Цю.

— Ты первая гусеница, которая съела мои листья, — тихо произнёс Цюэ Цю, слегка подтолкнув Маомао.

Маленькое существо, с удовольствием поедавшее лист, упало на попу.

Но даже упав и лёжа на спине, Маомао всё равно крепко обнимал лист всеми лапками, в несколько раз больше своего тела, и ни за что не хотел отпускать.

Цюэ Цю лишь посмеялся и ещё немного понаблюдал, как тот ест. Увидев, что после съеденных листьев у Маомао не возникли побочные эффекты, он успокоился и приготовился умыться и лечь спать.

К удивлению Цюэ Цю, в общежитии военной академии Тёмной планеты были не только четыре отдельные спальни, но и целых две ваннные комнаты. А его спальня находилась как рядом с одной, располагавшейся справа от выхода, что было очень удобно для повседневных нужд.

Цюэ Цю зашёл внутрь и, о чудо, обнаружил даже ванну. Поскольку в этом мире как альфы, так и беты в среднем были довольно высокими и крупными, ванну тоже сделали максимального размера.

Он примерно прикинул и понял, что в нее поместится не только он один, но и ещё двое.

Настроение Цюэ Цю, не особо светлое с момента поступления в эту академию, наконец немного улучшилось. Он терпеливо дождался, пока вода наполнится, и решил как следует расслабиться и принять ванну.

В это время за пределами ванной, там, где никто не видел, с Маомао происходили поистине

грандиозные изменения.

Перед уходом Цюэ Цю оставил все листья на столе, прямо в пределах его досягаемости.

Маомао совершенно не мог контролировать свой инстинкт еды. Без молодого человека, который следил за ним, у него больше не было ограничений, и тот инстинкт, что исходил из крови, бешено требовал, заставляя его поглощать как можно больше.

Листья перед ним, содержащие чистую энергию, постоянно подпитывали это желание в крови. Разум Маомао подсказывал ему, что нельзя съесть слишком много за один раз, иначе он точно не сможет всё усвоить. Но этот ужасный инстинкт, подобно демону, ввергающему в падение, шептал ему на ухо, раз за разом, без усталости повторяя одну и ту же команду: «Поглоти их, поглоти всё! Тебе нужна эта энергия! Поглощай! Поглощай! Поглощай! Ни на мгновение не останавливайся!»

Маомао совершенно не мог себя контролировать. Каждая клетка его тела жадно кричала, требуя удовлетворения. Он словно ненасытный обжора, не ведающий сытости, постоянно поглощал листья с колоссальной энергией и даже хотел поглотить самого владельца этой энергии.

Неизвестно, сколько времени прошло, но этот пугающий инстинкт поглощения постепенно исчез по мере того, как потребность в энергии в теле увеличивалась в разы. После безумия Маомао наконец постепенно успокоился.

Но это безумие, казалось, было подавлено лишь временно. Оно всё ещё таилось в темноте, выжидая возможности снова захватить контроль над его телом.

Когда Цюэ Цю вышел после ванны, на столе уже не было видно следов листьев, а Маомао послушно лежал на столе, не двигаясь.

— Не думал, что ты такой обжора. — Цюэ Цю слегка тронул его надувшийся животик, даже не зная, сколько нужно было съесть, чтобы так растолстеть.

Обычно, если его просто погладить, как бы малыш ни хотел спать, он сразу же просыпался, а затем цеплялся, чтобы его погладили и обняли, но сейчас он не двигался, словно пьяный и ошеломлённый от еды.

Только дыхание Маомао было ровным. Казалось, он просто уснул, без каких-либо других отклонений.

Цюэ Цю тоже не стал слишком сильно напрягаться, взял влажную салфетку, слегка почистил Маомао, положил рядом с подушкой и крепко уснул вместе с малышом.

В месте, где он не мог видеть, Маомао медленно открыл глаза. Всё его тело излучало слабый холодный серебристый свет, и происходили тихие, но огромные изменения.

<http://bllate.org/book/13573/1204610>